

— Знаешь, я тут столько рассказала о себе, хотелось бы услышать немного и о тебе... — Беллатриса на пятой либо шестой чашке чая завершила свой рассказ о дяде, что вечно путешествовал по континенту.

«Ну, о себе это громко сказано, ты, скорее, больше болтала о своих родственниках», — подумал Аарон, размышляя ещё над тем, стоило ли ему откровенничать.

— А что ты хотела бы узнать? — слегка склонив голову набок, в любопытстве спросил он у нее.

— Не знаю... Ну, например, о том, как живётся в детском доме. Ты ведь туда возвращаешься? — вспомнила она их самый первый разговор в этом же поезде.

— Детский дом... Честно говоря, не могу твердить со стопроцентной уверенностью, какие там условия. Там жил мой друг, и он отзывался о нём как о холодном, бездушном клоповнике, в общем, не самое лучшее место, — не меняясь в выражении, ответил он.

— Так, погоди, ты же говорил, что рос там, — попыталась она поймать Аарона на неувязке.

— Нет, это ты так предполагала. Я тогда лишь сказал, что полный сирота, а это, согласись, не то же самое, — улыбнулся под конец речи Аарон, чья память даже в таких мелочах, как разговор, произошедший почти год назад, не подводила.

— Но если ты сирота и рос не в приюте, то значит... Всё же у тебя опекун есть? — неверно заключила она.

— И снова нет, — после этих слов Аарон взял небольшую паузу.

«Говорить или нет?» — пронеслось у него в мыслях.

Он не собирался делать драму из своих прошлых жизненных обстоятельств. «Да, живётся хреново, но ведь живётся?» — множество раз эта мысль сплывала у него в уме, и она помогала жить дальше. Жаловаться богам, несправедливому обществу, да и в целом истерзаться в подобных мышлениях он никогда себе не позволял, ибо смысла в этом не видел. Жалости он к себе не искал, а сейчас, став волшебником, и подавно. В общем, делать секрет из своей уличной жизни он не стремился, но ведь и на каждом повороте рассказывать о ней ему не то чтобы очень хотелось.

«Ах, да плевать. Если ей так интересно, то немного расскажу. Неспроста ведь она о себе делилась некоторой личной информацией. Хочет улучшить наше социальное взаимодействие или по-простому — сблизиться, и в принципе... Я не против», — как окружающие наблюдали за Аароном, делая свои выводы, так и он присматривался к своему окружению. И если в первые месяцы он это делал скорее по привычке — в Лютном всегда нужно понимать, с кем ты имеешь дело, то вот позже, ознакомившись со множеством литературы, где так или иначе упоминалась важность и польза социализации, он начал более последовательно и структурированно подходить к оценке людей.

В его глазах Беллатриса являлась если не самым, то одним из ценнейших социальных ресурсов в его окружении. И дело не только в том, что она из древнего рода. Любой талантливый маг, так или иначе, являлся ценной ячейкой общества, и в глазах Аарона Беллатриса являлась очень способной волшебницей. Причём не глупой, что тоже немаловажно, и не раздражительной.

В той давно прочтённой книге по инвестированию он извлёк интересную мысль: «Если ты общаешься с четырьмя миллионерами, то будешь пятым» или аналог в виде русского изречения, услышанного им в воспоминаниях Григория: «С кем поведёшься, от того и наберёшься». Для себя Аарон определил, что эти мысли несли в себе зерно истины, конечно, они были приняты к сердцу не таким образом, чтобы он тут же побежал дружить со всякими лордами либо магнатами, нет, в его понимании, эти мысли означали, что подпускать к себе людей надо по уровню возможно чуть выше, но никак не ниже на несколько ступеней. Хотя в целом требования к своему окружению у него были не то чтобы высоки: он просто был не против взаимодействовать с людьми, которые стремились к чему-то не приземлённому и которые бы устроили его характером.

Сам, конечно, намеренно искать подобных людей он не стремился, полагая, что раз уж всю жизнь сам справлялся, то и дальше как-нибудь справится.

Пауза продлилась не дольше двух секунд, и прежде чем Беллатриса успела открыть рот, чтобы как-то съязвить на несловоохотливость Аарона, тот продолжил:

— Я жил и живу один, но это только между нами. Ты ведь умеешь хранить чужие тайны? — ухмыльнувшись, спросил он.

— Конечно! За кого ты меня принимаешь? — аж слегка привстала Беллатриса в своём эмоциональном порыве, являющимся следствием выраженных сомнений к её благонадежности. — Но... ах, получается, о тебе заботились домовики, я права?

Аарон вздохнул.

— Так или иначе, о себе мне рассказывать особо нечего, родился, рано осиротел и жил до получения письма Хогвартса как мог.

— Ладно... А как тогда отреагировал твой друг на новость, что ты волшебник? Или ты ему не сказал? — почувствовав, что Аарон всё-таки решил соскочить с темы о его личной жизни, она решила пойти обходным путём.

«Милок, как это тебе нечего рассказывать? А шрамы как получил? Чем занимался в свободное время? Ведь не мог ты сидеть целыми днями дома!» — пронеслись вопросы у Беллатрисы.

— Никак, он мёртв, — словно рассказывая о погоде, ответил Аарон, то есть как о нечто обыденном.

«Мёртв? Как он мог умереть? Ах, ну да, у маглов же очень отсталая медицина...» — сделала свой вывод она.

— Он подхватил какую-то заразу? — всё же решила она уточнить, чтобы хоть как-то отреагировать.

— Его убили, — припечатал Аарон и, не замечая изменившееся выражение лица Беллатрисы, ловко потянулся к последней печенье на столе.

В этом и была вся разница детей, росших в комфортных клетках и на дикой улице. Беллатриса, если и слышала о чьих-то смертях, то речь обычно шла о проживших свой век старых лордах, либо пораженных болезнью, либо истощенных давним проклятьем. И хоть в газетах вроде «Ежедневного пророка» иногда упоминалось о смертях в результате тех или иных происшествий с участием аврората, но детская смертность, а тем более убийства, её сознанием

как-то получилось, что ранее не осмысливались.

Увидев её слегка застывшее лицо, Аарон добавил:

— Не бери в голову, только в Лондоне ежедневно умирает несколько детей, правда в большинстве от перегрузок на фабриках и недоедания... Хе-хе, хотя детский труд вроде как уже давно пытаются отменить, — не стал вдаваться в подробности Аарон.

Закон от 1933 года о детях и молодежи, хоть и поспособствовал улучшению общего уровня жизни детей, но после Второй мировой войны власть на время восстановления экономики закрывала глаза на большую часть нарушений этого закона. Даже сейчас, спустя 18 лет после войны, полностью вопрос детского труда не был решён, по крайней мере, в отношении сирот, коих было довольно много. Ничего не мешало голодающим выдавать себя за 14-летних, особенно на тех фабриках и заводах, где надзор за детьми и другие органы были хорошо «прикормлены». Рабочие могли настучать на столь грубое нарушение закона, но после всех проверок оказывалось, что детям-то аж почти 16 лет и что они, кроме легкой работы вроде сортировки не тяжелых предметов, больше ничем иным не занимались, а тех рабочих-стукачей затем увольняли. В законах и газетах могли писать, что душе угодно, но реальность порою и даже зачастую диаметрально отличалась от той, которую пытались преподнести большинству населения.

Тема разговоров свернула на Лондон, и вот здесь Аарон мог спокойно многое рассказать. Слушательница хоть и выглядела вначале скептически настроенной к рассказам об устройстве мира маглов, но постепенно сама начала задавать уточняющие вопросы.

В 17:00 Хогвартс-экспресс начал прибывать на станцию вокзала «Кингс-Кросс».

Беллатриса, незаметно для себя уснувшая после обеда, была разбужена легкими толчками Аарона. К моменту когда она пришла в себя, купе вновь приобрело первоначальный вид. Пустые коробки из-под десертов и десятков чайных пакетиков, которые свидетельствовали о долгой болтовне, бесследно пропали.

Ещё сонная в одном глазу она с непониманием озиралась, пока постепенно до неё не начало доходить, что половину поездки она проспала в одном помещении с мальчиком. Что поделать, набитое донельзя сладким брюхо, мерный стук колёс, проносящихся над стыками рельсов, и спокойный голос Аарона сделали своё дело. Соблазн был слишком велик.

Трансфурировав перед собой зеркало, Беллатриса поспешно принялась приводить свой вид в порядок перед встречей с родителями.

И вот поезд полностью остановился. Она уже собиралась встать, но заметив по-прежнему расслабленно сидящего Аарона, приостановилась.

— Я тебя, наверное, огорчу, но поезд обратно в Хогвартс не поедет, нет смысла здесь сидеть дальше, — обратилась Беллатриса к нему.

— Если хочешь присоединиться к той толкучке за дверьми, то вперёд, отговаривать не буду, — махнул он рукой в сторону коридора поезда.

«Немного переждать? Звучит разумно!» — решила она последовать его примеру, но в терпении и собранности явно уступала Аарону. Не прошло и десяти секунд, как она привсталала к окну,

стараясь разглядеть на перроне своих родителей. Просто чтобы обозначить сам факт, что они уже здесь и никуда уходить не собираются.

Впереди всех, толкая друзей, знакомых и других студентов, из поезда выныривали соскучившиеся по родителям первокурсники, и ладно бы только они, сами родители создавали не меньший хаос на станции, пытаясь выцепить своих мало или очень рослых детей.

Было даже как-то забавно смотреть, как слегка полноватая женщина с криком: «Мой пупсичек!» руками из толпы вырывала своего сына, возвышающегося над ней на несколько голов.

Но несмотря на волнения, что происходили в передней части станции, Беллатриса быстро сумела заметить своих родителей, точнее, они первыми заметили её сквозь достаточно широкое окно поезда. С ними ещё была одна из её младших сестёр — Андромеда, которая как раз махала рукой, приветствуя сестру.

Осветив передние зубы, Беллатриса помахала в ответ, но вместо довольства младшей сестры заметила её выпученные в удивлении глаза.

— Хм-м, а по первому взгляду и не скажешь, что вы сёстры, да и у твоей матери светлые волосы, — не громкий шёпот, раздавшийся позади неё, чуть ли не заставил её подпрыгнуть.

— Не выс-с-овывайс-с-ся, — не сказала, а прошипела она, стараясь одной рукой оттолкнуть Аарона подальше от окна, но было уже поздно. И Беллатриса это поняла по взглядам, которыми буравили отец с матерью.

«Хех, подумаешь, велика трагедия...» — нашёл Аарон поведение своей спутницы забавным.

Спустя две минуты Беллатриса, на ходу бросив прощание, покинула купе, а Аарон, сделав круг в сторону уборной, также немного погодя вышел.

Будучи уже знатоком свода правил поведения «истинных аристократов» в общественных местах, он, как того и требовалось нормами, шёл к каминной сети, то есть: выровняв спину, размеренным шагом, со взглядом и выражением, которое так и кричало: «Я один д`Артаньян, а вы все...»

Плюсы у такой модели поведения свои имелись, например, несколько людей таким образом, заметив его, расступились, за что получили благодушный кивок. Минусы также были: лишнее внимание.

«Увы, это необходимо, репутация складывается из подобных мелочей...» — родители Беллатрисы ушли сразу, как обменялись несколькими словами с ней, потому ломать голову на тему: «здороваться ли с ними или нет», Аарону не пришлось.

И вот когда казалось, что пройдя первую половину перрона, вторую оставшуюся до камина он проскочит так же легко и спокойно, знакомый и внезапный для данного места голос застал его врасплох:

— Мистер Морвид, вижу, вы удачно добрались, — неизвестно когда профессор Макгонагалл успела появиться на станции, но сейчас видеть её, а тем более обмениваться словами, он совершенно не желал.

— Ах, профессор Макгонагалл, рад вас снова видеть, родственника ждёте? — спросил Аарон и

принялся озиаться по ещё оставшейся толпе на перроне, словно выискивая того самого студента, что та поджидала.

— Не совсем, — улыбнувшись, осведомила она, — просто желала познакомиться с вашими родителями.

— А-а-а, вот оно как, — закивал с ответной улыбкой Аарон, а затем, прищурившись, начал озиаться в толпе, пока вдруг его брови в чрезмерно выделенном удивлении не приподнялись. — Наконец-то нашёл.

Аарон тут же начал махать рукой в сторону мужчины, что отдаленно стоял в стороне от всех в темном пальто с высоким воротником, накинутом сверху серого костюма.

— Профессор Макгонагалл, пойдёте, я вас познакомлю, — указал он вежливым жестом ладони в сторону мужчины.

Она, конечно же, тут же обратила внимание на указанного мужчину. Нельзя было сказать точно, сколько ему лет, но он явно был старше 35 лет, взгляд был цепким и холодным, будто высматривающий что-то в толпе среди детей. Карие глаза, такого же цвета волосы, легкие морщины на лбу, ну и в целом не слишком примечательные черты лица. Профессор Макгонагалл сперва даже удивилась тому, как мало у того мужчины сходных черт с Аароном.

«Может, он больше унаследовал от матери?» — удивилась она и, будто желая повторно сравнить лица мужчины и её студента, повернула голову назад — туда, где за ней к мужчине шёл Аарон.

— Мисс, — сняв шляпу, обозначил форму вежливости неизвестный, на месте которого по идее сейчас должен был стоять Аарон. Пару раз оглянувшись и так и не найдя никаких следов ученика, Макгонагалл, понявшая, что её одурачили, с недовольством топнула каблук по полу.

Мужчина, к которому изначально и направлялись профессор Макгонагалл с Аароном, не обратил на них особого внимания, так как был в процессе поиска своей цели.

«Ах, вот он, ну наконец-то!» — увидев трепыхающегося второкурсника с синим обрамлением на внутренней стороне мантии, тащащего грузный на вид чемодан, он тут же обогнул основную толпу родителей, чтобы последовать за ним.

Если присмотреться к одежде мужчины, то можно было заметить, что хоть стилистика и соответствовала общепринятым нормам магического мира, но шилась явно не вручную, а машинкой, к тому же непривычным для магов кроем.

Держась на приличном расстоянии от мальчика, он следом за ним вышел сквозь стену на магловскую часть вокзала. Там же можно было обнаружить такую же небольшую толпу родителей, которая ошивалась, будто бесцельно, в округе.

Не теряя когтевранца из поля зрения, он подождал, пока тот не обменяется приветствиями с родителями и не дойдёт вместе с ними до машины хозяина семьи.

«Пора!» — когда чемодан затащили в багажник, мужчина уверенной походкой направился к отцу ребенка, на ходу нащупывая во внутреннем кармане пальто небольшую корочку с гербом,

на котором были приписаны слова: «Корона — во славу; страна и народ — во служение!»

— Малец, а ты не слишком юн, чтобы пользоваться такси? — неуверенным тоном уточнил водитель, глядяваясь через зеркало на заднее пассажирское сиденье.

— Знали бы вы, мистер, как удобно, когда тебе не приходится отвечать на вопросы, — раздалось в ответ от довольно молодого темноволосого парня с мелким шрамом на брови.

— Чт... — вновь на секунду отвлекшись от дороги, таксист посмотрел в зеркало салона, чтобы затем увидеть, как на него направили престранную деревянную палочку.

«Конфудус. Очень полезное заклинание, особенно против маглов...» — подумал Аарон, с улыбкой трогая довольно пухлый кошель, лежащий у него в кармане. С того момента, как он покинул станцию Кингс-Кросс, а затем и Косой переулок, Аарон не мог не нарадоваться тому, насколько легко теперь стало добывать магловские финансовые ресурсы. Но на некоторое время он решил не думать о двухстах фунтах, что лежали у него в кармане, — водитель начал терять контроль над машиной.

— Внимательно следи за дорогой и управлением транспорта. Пункт назначения тот же — железнодорожный вокзал на Харрингтоне, — получив четкую команду, замутнённый разум магла словно немного оживился, и машина теперь ехала ровнее.

«Не думал, что этот день настанет так быстро. Мне уже не терпится вернуться домой...» — повернув голову вбок, Аарон взгляделся куда-то вдаль, вызывая в разуме давние образы беззаботного детства.

<http://tl.rulate.ru/book/70998/2716859>